

КРОКОДИЛ

Москва.

Воскресенье, 24 декабря.

1922 г.

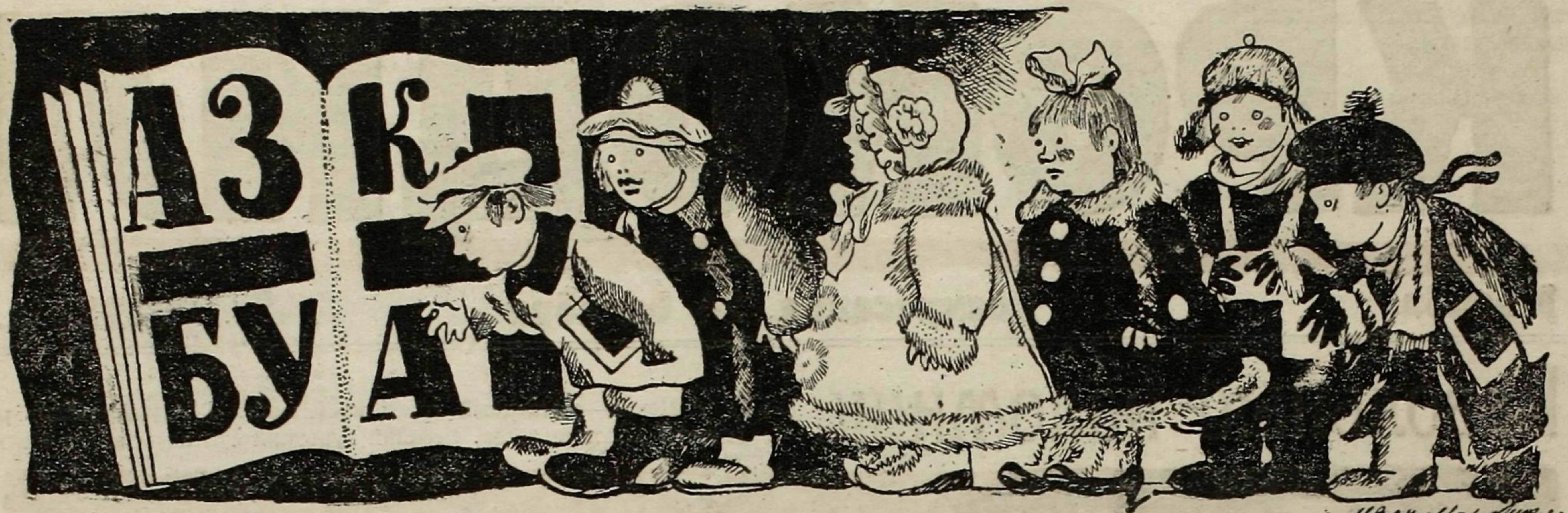
Невольный паломник.

Мекка—священный город мусульман. Туда совершают религиозные паломничества. Бывший турецкий султан бежал в Мекку,

рис. И. Мамонтова.

— Махмет бежит быстрее лани.

Продолжение детей—в следующих номерах.

Медведь и охотники.

Охотники задумали убить медведя.
Уж очень шкура хороша,
И дух медвежий больно вреден!
И вот, поживою дыша,
Устроили обдаву,
Со всех сторон подняли пыль,
Собачью двинули ораву:
— Юденич! Колчак! Врангель! Пиль!
Считают барыши, готовят дроги...
Медведь тихонько вылез из берлоги
И начал мазать красной лапой:
Всех псов зацапал.
Лежат, не брешут!
Охотники в затылке чешут:
— Тактика не та!
Прием был дурен!
А все ж покою не дает мечта
О дорогой медвежьей шкуре.
В миг кротость напустив овечью,
Они к медведю лезут с льстивой речью:
— Медвеженька! Хороший! Кучерливый!
Живи себе на славу!
Да в гости приезжай к нам в Геную и Гагу
В бирюльки поиграть
И подписать пустяшную бумагу,
Что позволяешь шкуру нам с себя содрать.
А убивать тебя и в мыслях нет у нас!
С хорошими людьми знакомство—прибыль.
Медведь цилиндр себе припас,
В назначенное место прибыл,
Охотникам вручает ноту:
— Недавнюю напоминая вам охоту,
Я вижу, что нуждаетесь вы в мехе.
Могу содействовать вам без помехи,
Ибо я каждую весну линияю
И волосом в большом количестве роняю.
По сх. двой плате уступить могу
Этот товар даже недавнему врагу.
Озлившись на такое предложение,
Охотники сорвали соглашение.
Но все ж для них, для всех
Необходим медвежий мех.
Медведи нынче стали редки!
И вот к берлоге, на разведки
Лионские помчались мэры.
И говорят, уж есть примеры,
Что на продажу Мишка шерстку режет.
Но дух медвежий
Охотникам вредит, как прежде.
И мы в надежде,
Что он им вскоре вдоволь навредит.
Но сказ об этом—вперед.

Сергей Горбодский.

ОКОЛО СКОТОВ.

Портретная галерея.

1. Племхоз „Агрикультура“.

Профессор Яковлев, Начальник Управления Животноводства Наркомзема, убедил своего сотрудника агр. Чучупала организовать т-во «Агрикультура» для разведения племенного скота русской породы.

Хотя устав еще и не был утвержден, но Яковлев поспешил передать «Агрикультуре» совхоз со скотом и инвентарем. Половину молочных продуктов «Агрикультура» должна была присылать лично Яковлеву. Проф. Яковлев выхлопотал у МКХ помещение под магазин для «Агрикультуры» на Тверской и даже затратил «из своих» 50 миллионов на оборудование торговли. В совхоз Яковлев поместил состоящую с ним в близких отношениях гражданку N на все готовое.

Для своей езды по городу Яковлев брал только высокоценных чистокровных лошадей «Бунчук» и «Динарий», несмотря на указания, что это недопустимо. Яковлеву предъявлен еще ряд тяжелых обвинений.

2. Козий случной пункт.

В Новомалаховке Яковлев устроил козий случной пункт, заведующим которого назначил неспециалиста гр. Свечникова, присяжного поверника.

Через год выяснилось, что подходящего помещения для животных нет, козлы содержались в полутемных кладовых при даче Свечникова, фураж давался гнилой и покрытый плесенью. Пункт был ликвидирован.

3. Племенные овцы.

Послал Управжив людей в Кирккрай за племенными овцами.

Через 3 месяца привезли 100 штук. Зоотехническая комиссия признала всех овец негодными для племенных целей. Они оказались зараженными глистами. Часть была немедленно прирезана. Остальных, зараженных глистами, вопреки заключению комиссии, разослали по племхозам.

4. Кавказские свиньи.

Агрономы Чобов и Мажаров были командированы Управживом на Кавказ за племенными свиньями.

Взяв с собой около 1 миллиарда и пробыв на Кавказе 2 месяца, купили вместо свиней вина и продовольствия. Проф. Яковлев получил от Мажарова 35—40 бутылок.

5. Кавказские пчелы.

Агроном Чобов получил в Управживе около 1 миллиарда на покупку пчел на Кавказе.

Чобов купил в Москве мануфактуру, перепродал ее и через месяц купил пчел—только не на Кавказе, а в Москве.

6. Разносторонний спец.

Заведующий всеми Госуд. Племенными хозяйствами и пом. нач. Управжива гр. Бреславец одновременно работает в Нар. Ком. Прод. и в Нар. Ком. Иностран. Дел. Ничего не сделал для организации племенного дела и заявляет, что это его не касается.

В 1921 г. он получает за несколько тысяч рублей племенную коровку в 26 пуд. весом. Коровка доставляется ему из провинции в отдельном вагоне.

В Центросоюзе он получает себе вторую корову. В Управживе получает гнездо племенных кур.

Для езды по городу он берет к себе на конюшню племенных чистокровных лошадей. Только после его ареста лошади были отправлены по принадлежности.

7. Очаковская трудовая артель.

Помощник Нач. Снабжения Управжива Чиннов в компании с еще одним гр. Терешковичем образовали якобы «Трудовую» Очаковскую артель для разведения племенных коров русской породы.

По договору с «артелью» государство должно было дать артели:

Племенной скот, лошадей, с.-х. инвентарь, фураж, продовольствие на 24 человек и корм для собственного скота артели.

Через год выяснилось, что скота подлежащего размножению в артель Управжив не послал. А продовольствие на 24 человека и корм собственному скоту «артельщиков» Управжив выдавал целый год.

Чиннов жил при этом в Москве, а не в артели и заведывал еще тренерскими конюшнями.

8. „Труд и Отдых“ Сокола.

Ответственный сотрудник Управжива гр. Сокол решил устроить племхоз под названием трудовая артель «Труд и Отдых». Себя он назначил председателем, жену свою—секретарем. Облюбовал в Серебрянном Бору место для дачи. Получил на слом три домика. Петровская академия и Бутырский хутор бесплатно дали Соколу рабочих и транспорт для перевозки зданий. Само собой ни Сокол, ни Соколица сами не работали. Все делали наемные рабочие. Название оправдывалось обстоятельствами: «Труд и Отдых». Рабочие трудились—Соколы отдыхали.

Ныне почти все упомянутые герои Управжива отдыхают в тюрьме.

Л. Сосновский.

Хозяйственный мужичек.

Фома Фомич после революции закручинился даже.

— Как теперь жить будем,—разве что на середняцкое положение переходить!

Ни тебе земли лишнего куска, чтобы в аренду сдать, ни тебе торговлишки открыть — все прахом! Сверх крестьянского хозяйства нет тебе никакого прибýtка—живешь как последний мужик Гаврила Иванов!

И верно—ничем не хуже стал жить теперь и Гаврила Иванов — и лошадку приобрел и корову—а тут гляди и пальто для бабы на хлеб променял—а был, можно сказать, последний человек на деревне — и вот поди ж ты? Кому эта революция во вред—а кому, вишь ведь ты и на пользу!

Да недаром у Фомы Фомича голова на плечах! Прослышал как теперь ловко люди с самогонкой орудуют и завел себе аппарат—сначала по малости—а потом и большую фабрику развернул.

Кому ж покупать—свои же ребята! Был праздник—сейчас бегут—а ты только гони, да денежки считай!

Встретил как-то на улице Гаврилу Иванова:

— А ты что ж не зайдешь? А?..

Почему бы к хорошему человеку не зайти—Фома Фомич по старине пользовался всяким уважением.

Да и зашел как-то — тот ему стаканчик налил, да еще—по праздничному делу угостил—да с того и пошло!

На другой день приходит:

— Опохмелиться бы Фома Фомич...

— Да у меня нету...

— Да я заплачу—ты не бойся...

Вынес бутылочку—пей!

— Последняя —для тебя только!

Да так и повадился—день пьяный, два пьяный а потом и денег нет.

— Одолжи, Фома Фомич—душа просит!

— Ну ладно—потом разотчемся!

А там свадьба—и опять праздник и еще что—все к Фоме Фомичу за самогоном!

Пришло время отдавать—хватъ, рожь не уродилась! Продналог заплатить, да себе что—а продажного и нету.

Тут уж Фома Фомич сам пришел:

— Должок с тебя!

— Обожди... Вот зима придет—подработаю...

— Никак нельзя—сам знаешь, ие у одного тебя не уродилось...

Подумал, подумал.

— Ну вот—возьми пальто...

А долгу осталось еще—не все выплатил... Да и вышить хочется... Ну до того дошел—одна лошадь на дворе осталась—а коровы давно и следа нет—перешла к Фоме Фомичу за долг! Да и лошадка недолго доживет—Фома Фомич уж ей и место в хлеву прилаживает!

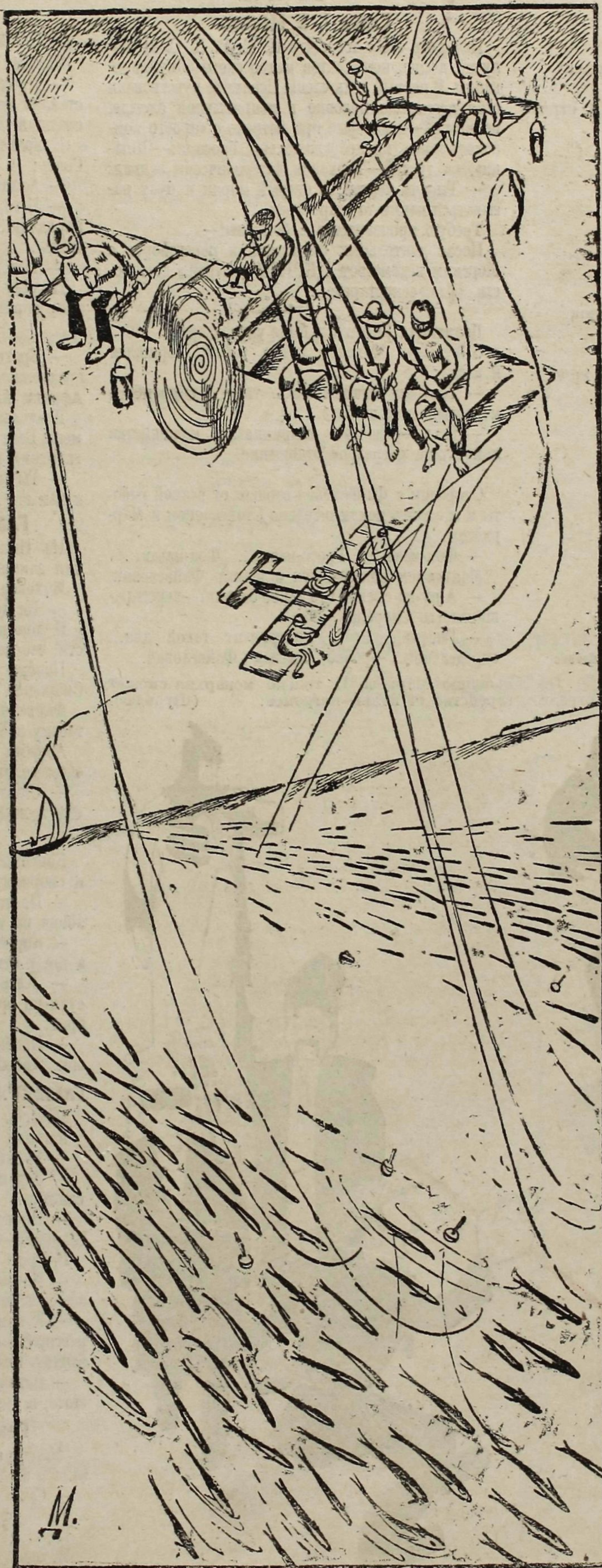
Зато стал теперь Фома Фомич опять как и прежде—богатый! Ходит брюхом вперед, бороду разглаживает! Вся деревня в его руках... Бабы прямо стоном стонут:

— Нет на этого Ирода никакой управы! Уж его и обыскивали и штрафовали—все как с гуся вода!

Рис. Д. Мельникова.

Английское министерство авиации согласилось предоставить один аэроплан типа Д. О. 9, для наблюдения за движением рыбы.

«Правда».

Рыболовы (внизу) — Чорт знает, что такое! Хоть бы одна рыбешка клюнула.

Верхние:—Говорили вам—на червей ловить! С аэроплана на хлеб не берет.

Фома Фомич в бороду только посмеивается!

— У меня,—говорит,—вся волость в долгу—только посмей подступиться! Я, говорит, захочу и сам предисполкомом сяду.

Есть на него управа, или в самом деле нет?

Матвей Кредит.

„Дипломатия“.

Пишут ноты, строчат ноты,
Перья змеями шипят,
А за нотами дредноуты
В пояснение спешат.

Дипломаты сыплют речи,
Кружева плетут из слов...
Вместо шелка комкартечи,
Вместо спиц—леса штыков.

„Мир нам нужен; ради мира
„Мы из дальних стран пришли,
„И в целях таких“... мортиры
В двести дюймов отлили.

„Равноправность рас и наций“
Все твердят на разный лад.
Посему... для оккупаций
Шлют дивизии солдат.

Пишут ноты, строчат ноты...
Эх, скорее бы с земли
Эту нечисть санкилоты
Красным веником смели...

Павел Градский.

УЖИ.

Делегаты балтийских стран на московской конференции заявили, что прежде, чем говорить о разоружении, нужно создать атмосферу.

Морских ужей
На берег выкинуло море.
Сияло солнце на просторе,
Был воздух горного свежий,—
Казалось бы, дыши себе, лежи.

Но задыхаются ужи!
Головками мотают:

Им не хватает

А т м о с ф е р ы!

Какой? А вот примеры:

Запах крови батрацкой,
Свиста нагайки казацкой,
Вони крестьянских костей,
Сгнивших под гнетом цепей.

Благоуханья чаютки,
Духа сивушного водки.

Войни людской ароматца—
Вот где могли б отдышаться!

Только такой они верят
Им дорогой атмосфере!

Ну, а от смолы Кремля
Лютю головки болят!

И в гнезда расползаются ужи.
Зачем сползались? Не затем ли,
Чтоб огласить на все моря и земли
Свой манифест насилия и лжи?

Сергей Городецкий

Двое.

Воз огромный привез битюг.
Грузчик спрыгнул вниз,
Клещами рук вцепился в тюк,
И тюк на спине повис.

— Эй, берегись! Человек в очках,
Тошней зажав портфель,
Желтым лицом обратившись в страх,
Мигом очистил дверь.

Крепкой машиной ног и рук
Сгружен весь воз. И вот
Грузчик смачно крутит махру,
Крупный стирая пот.

Вынул черного хлеба кусок
(Фунтов, пожалуй, с пять!)
И крепкие зубы за стенкой щек
Стали спеша жевать.

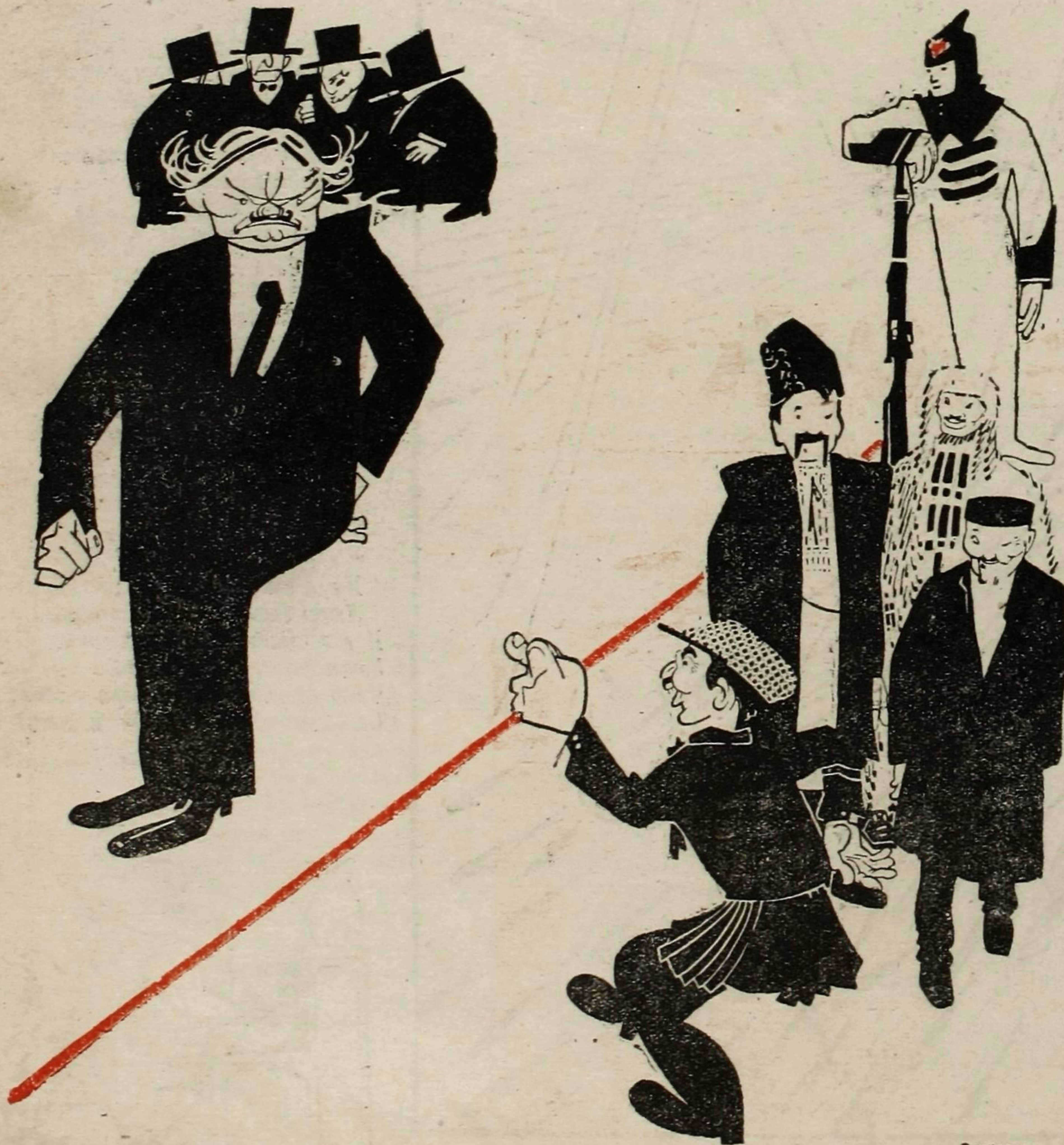
Человек с портфелем как в землю врос,
(Слов от испуга нет).
— Простите, товарищ, за вопрос...
Это... мм... ванн обед?

Грузчик звонко захохотал:
— Обед и ужин, как хошь!
В десять пудов тюки—видал?
Тут, брат, быка сжешь!

И, возжи крепкой зажав рукой,
Грузчик поехал вперед...
А тот стоял и смотрел с тоской:
У него не варил живот.

Вас. Лебедев.

Рис. Д. Маора.

Иностранцы: — Хорошо, что у Маркова есть теперь своя особая черта оседлости, которая оградит нас от его непрошенной дружбы.

„МОРСКИЕ ВОЛКИ“.

(Перевод с английского).

ЦКРКСМ принял шефство
над флотом.

Глава I. В Москве.

Началось это с того, что Ц. К. Р. К. С. М. получил десять комплектов матросского обмундирования. В первый день члены Цекамола чувствовали себя несколько неловко в непривычной одежде, на второй—некоторые при встрече с «просто комсомольцами» пренебрежительно бросали: «Шпакки», на третий—Тарханов категорически заявил: — Тысяча чертей, я старый моряк и буду называться каким-то секретарем.

Требую производства в боцманы!

После длительных совещаний и переговоров с Морским ведомством ЦКРКСМ утвердил должности «флаг-секретарей»...

Должность Управдела была упразднена.

«Штурман» Маховер жевал табак, морщился и цедил:

— Товарищ машинистка... тьфу... каррамба... марсовый, лево на борт.

— Есть,—радостно вскрикивала машинистка и печатала очередное отношение.

Сморозин и Файвелович отошли от всякой работы и занялись исключительно Стивенсоном и Марриетом.

— Фок-мачта... Гросс-мачта... Фок-мачта...

Маятником покачивался и шагал Файвелович:

— А ну-ка скажи, что такое бизань?—переспрашивал его Смородин.

— Бизань... Это... инструмент такой для... определения...—ребко отвечал Файвелович.

По заявлению Маркова II только монархия сможет оградить еврейство от волны погромов. («Правда»).

— Сто тысяч дьяволов и одна ведьма,—возмутился Смородин: ты путаешь бизань с буссолью. Бизань—это... это, что-то около брам-стенги, или наоборот...—и хватался за Марриета.

Глава II. Однажды вечером...

Шацкин шел с Воздвиженки из Ц. К. на Лубянку. — Проклятая палуба—твердил он, широко расставляя ноги,—крен-то какой. Хоть бы трап настоящий спустили.

В подъезде он долго и безуспешно звонил в Связь:

— Алло... Вахтенный. Спустите шлюпку.

— Чего,—возмущалась телефонная трубка,—нарядчик... Да, ответственный нарядчик... Лошадь...

— Нет, шлюпки?.. Я жаловаться на вас буду. На углу Моховой Шацкин достал карту и по компасу определил нужное направление.

Глава III. Сборы.

— Братва, а не махнуть ли нам в плавани,—предложил однажды только что вернувшийся из Африки Авербах.

Длительное пребывание среди храброго племени Банту сделало молодого редактора «Молодо гвардин» исключительно предприимчивым.

— Ты прав, мичман,—вскричал Смородин,—и как это мы раньше не догадались.

Глава IV. В дальнейшее плавание.

На Николаевском вокзале произошла маленькая заминка.

Маховер требовал, чтобы его пустили на паровоз.

— Не доверяю рулевому.

И доказывал агенту Общественной Безопасности, что место штурмана рубка, а не каюта.

Положи его на дрейф,—угрюмо посоветовал Смородин.

Файвелович набил за щеку целую осьмушку табаку и безнадежно чихал.

Авербах ежился и с тоской думал об африканском солнце.

— Отдать якоря,—скомандовал Шацкин и поезд тронулся.

Глава V. На рейде.

Комсомольцы стояли на набережной Фонтанки и спорили.

— По-моему, это—корвет,—показал Файвелович на измызганный буксир.

— Корвет,—иронически улыбнулся Смородин,—а где у него гросс-мачта?

— Зелень,—презрительно заметил Маховер,—судя по брам-стенгам, перед нами трехмачтовый бриг.

— Пробило десять склянок,—перебил спорящих Авербах,—пора... Идемте...

Глава IV. На Корвете „Юный Комсомолец“.

Матросы построились на баке и ждали.

Шацкин подошел и приветливо сказал капитану:

— Рубите шлюпочные найтовы и талрепы!

— Здравия желаю...,—не поняв отпортовал капитан.

— Прикажете свернуть паруса,—продолжал Шацкин,—очевидно, надвигается циклон.

В строю кто-то сдержанно хихикнул.

— Помилуйте,—смущился капитан,—погода ясная и потом откуда у нас паруса...

— А я вам говорю, что ванты не выдержат,—разгорячился Шацкин и сплюнул на палубу табачную жвачку.

— Извините,—обиделся капитан,—у нас чистота, и что это у вас за гадость во рту?

Глава VII. В открытом море.

Море рябило. Военное судно плавно покачивалось на волнах, подходя к Кронштадту.

— Смородин,—тоскливо говорил Файвелович,—а я ведь не умею плавать. И вдруг авария...

Комсомольцев укачивало.

Маховер перегнулся через борт и издавал странные звуки. Тарханов участливо советовал:

— А ты рви с подветренной стороны.

Шацкин хмурился и бормотал:

— Говорил я, что будет шторм, не слушали. Через полчаса судно пойдет ко дну.

Авербах, спотыкаясь и падая, пробрался в кают-компанию.

— Все кончено,—решил он и, вырвав из записной книжки листок, спешно написал:

В «Молодую Гвардию».

— В открытом море под тропиками, во время индокитайского циклона, героически погибли первые моряки—комсомольцы. В числе утонувших я и флаг-секретарь Тарханов.

Если все-таки нас выкинет на необитаемый остров, пришлите полный перевод Робинзона Крузо, для руководства.

Долготы и широты не указываю, ибо забыл какой из меридианов долгота, какой—широта. Авербах.

Записку законопатили в пустую лимонадную бутылку и бросили в море.

Глава VIII. Спасение.

Комсомольцы собрались на корме. Файвелович плакал при одной мысли о том, что Союз Молодежи лишается таких работников. Смородин надел спасательный пояс и ждал.

— В такие минуты на кораблях обычно вспыхивает бунт,—вспомнил Тарханов и обнажил кортик.

Темная громада надвигалась на судно.

— Берегись, подводные камни...—закричал Шацкий,—через две минуты корабль переломается, как яичная скорлупа.

— Что вы,—удивился подошедший капитан,—да ведь это Кронштадт.

Комсомольцы в восторге бросились целовать друг друга и долго не могли притти в себя от чудесного спасения.

А Авербах от радости исполнил национальный танец племени Банту.

Когда все успокоились, Маховер осторожно предложил:

— А не вернуться ли нам в Москву?

— Ты прав, штурман,—пылко кричал Смородин.

Глава IX. Дома.

Через месяц отважные путешественники делали доклад перед многочисленной комсомольской аудиторией.

«И вот,—говорил Тарханов,—у Зондских островов нас окружили пироги диких малайцев. Погода была отчаянная, дули пассаты, стремительный гольфштрем переломал на корабле все мачты.

Море кишело акулами и китами, дикари осыпали нас дротиками и стрелами. И только благодаря мужеству некоторых из присутствующих здесь, имен которых я из скромности не называю, судно было благополучно выведено из смертельной опасности».

Гром аплодисментов прервал оратора.

Свен.

Большой выбор.

— Гляди-ко-сь... Чтой-то нынче поп густо пошел!..

— Попу нынче самый вод. Тут и Мертвая ему церковь, тут и Живая, тут и Трудовая... Водись—не хочу!

— Постой... Трудовая откуда же? Нешто поп трудится?

— Зачем попу трудиться... Трудятся другие. Поп и так проживет!

— Это ты верно. Ежели, скажем, и Мертвая ему, и Живая... И сколько ж их, братцы, церквей этих самых развелось!

— На всякий вкус. Дураков-то, небось, еще больше: поди-ка, угоди каждому!

— А попов-то...

— Что попов?

— Попов-то, говорю, сколько! Глянь, глянь: кучей поп повалил!.

— Попу нынче вод. Тут ему и Мертвая, тут и Живая...

— Это ты правильно. Благорастворение нынче попу! И Трудовая еще есть, говоришь?

— Опять же,—Церковного Возрождения группа... Чего же попу не водиться?

— Да уж одно слово,—утоли моя печали!.. Выбери, стало-быть, что пондравится! А энти в какую ж, к примеру, шествуют?

— Чего в какую?

— Попы-то... Вон, кучей которые поперли. Они—в какую ж: в Живую аль в Мертвую?

— Энти-то?

— Энти-то. Или в ту... какие, бишь, еще-то церкви бывают? Церковное Возрождение?..

— Трудовая опять же... Сколько хошь! Простор нынче попу!

— В Трудовую они?..

— Чего в Трудовую?..

— Да поп-то, говорю, густо пошел. Вон, наискоски-то!..

— Вод ему нынче, попу-то... Хочет—в Живую, хочет—в Мертвую...

— Да энти-то, спрашиваю,—в какую? Эх, и благоутробные ж есть!..

— Вон энти вон?..

— Во-во! Куда они, энти?..

— В Ревтрибунал. Не видишь нешто: под конвоем идут!

Грамен

Архип.

Лозаннада.

В полуофициальных переговорах на Лозанской конференции обсуждался также вопрос об охране демилитаризованных зон, причем большая часть обсуждавших указывала, что в демилитаризованные зоны необходимо ввести союзные гарнизоны. («Известия» № 273).

Там, где Чичерин скажет: нет иль да,
Чтобы скорее доискаться ладу,
Сидящие в Лозанне господа
Таковую разведут... Лозаннаду,
Что разрешить ее не сможет Соломон.
Вот, например, вопрос охраны зон.

Демилитаризованные зоны,
Известно, покидают гарнизоны.
С сим положением согласен сам Керзон.
Но дале следует другой его резон:
А вдруг войдут турецкие бизоны
В демилитаризованные зоны!
А посему, для охраненья зон,
В них следует ввести союзный гарнизон!

Таков у буржуазии язык.
На все у ней своя Лозаннада.
И нам, друзья, держать покрепче надо
В мозолистых руках красноармейский штык.

Чешское признание Р. С. Ф. С. Р.

В Чехии бастуют свыше 40.000 горнорабочих.

Чешские социалсты в парламенте выступали против признания Р. С. Ф. С. Р. de ivre.

Рис. М. Черемных.

(«Труд»).

Фактическое

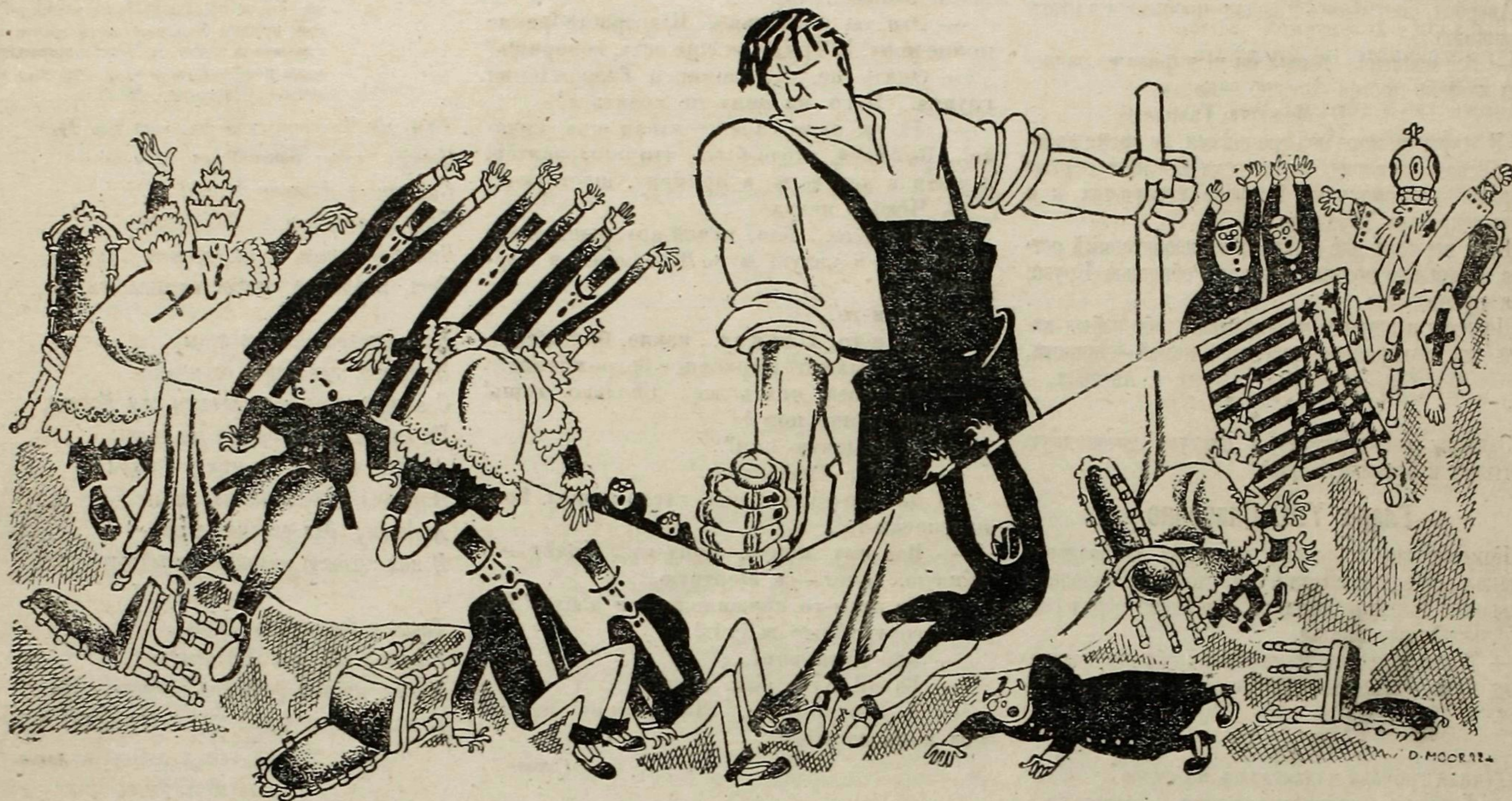
и

юридическое.

Существует-ли классовая борьба?

Рис. Д. Моора.

В 1924-м году в Англии и Соед. Штатах Северной Америки произойдет съезд представителей всех христианских церквей. На съезде между прочим будет разрешаться вопрос: «Существует ли в действительности борьба классов?» («Правда»).

Вопрос разрешится так!

Большая энциклопедия „Крокодила“.

По дошедшим до нас сведениям, Главбум опять накинуд цену на бумагу. Зачем он это сделал? По мнению Главбума, никто не знает, зачем. Но мы-то знаем, и даже хорошо знаем.

В начале „Энциклопедии“, объясняя слова на букву „Г“, мы имели неосторожность написать: „Главбум“ смотреть Шведчиков. Тов. Шведчиков, как человек образованный, знает, что буква „Ш“ находится почти в самом конце азбуки. Вот он и решил принять меры...

— Какие меры?.. Против чего меры?..

Ну, зачем же против... Вовсе даже не против, а наоборот. Во-вторых, тов. Шведчикову было бы зазорно полвиться на дешевой бумаге: вот он и принял меры к тому, чтобы напечататься на дорогой. Во-вторых, он сообразил, что вздорожание бумаги вынудит нас сократить объем „Энциклопедии“, пропустить некоторые буквы и... дойти до буквы „Ш“ раньше срока. А кому же не хочется как можно скорее попасть в Большую Энциклопедию Крокодила?..

В результате, радуйтесь, дети и всеработпросники: мы выбрасываем из азбуки целый ряд букв! Теперь выучиться грамоте будет много легче.

К.

Самая контр-революционная буква в мире, потому что „контр-революция“ как раз с нее и начинается. Однако, уничтожить эту букву мы не решились, потому что с нее начинается и „Крокодил“. Лучше уж уничтожить контр-революцию: пусть она совсем ни с чего не начинается! Ловко мы выдумали?..

Калькуляция.

С самого начала мы было подумали: „Чорт ее знает, что она такое!“ Но чорт

не знает. Оказалось, что чорт ногу сломал, и как раз именно на калькуляцию.

Тресты тоже не знают. А в одном хозрасчетливом предприятии нам ответили:

— Как вам сказать?.. Хорошо еще, если маленькое мошенничество, а не большая „коммерческая тайна“!

Кинематограф.

великий немой. И хорошо, что немой: стыд, значит, имеет! Многие обижаются: „Слова от него не добьешься“... Но что же это было бы, если бы он вдруг заговорил? Сплошная порнография была бы—или „блатная музыка“.

Курьер.

Еще во времена Гоголя, по свидетельству Хлестакова, было, по меньшей мере, „соток тысяч одних курьеров“. Спрашивается: сколько же в наше время насчитывается всех вообще советских служащих?

Ответить на этот вопрос мы затрудняемся...

Курьер—это младший советский чин. От всех прочих чинов отличается тем, что не имеет „рама“. Но зато в уважающих себя учреждениях бывают курьеры младшие и старшие, и притом обоего пола.

Курьеры совершенно необходимы. Только курьеры, потому что остальные советские служащие более, чем необходимы: они не-за-ме-ни-мы!

Автомобилей, личных секретарей и тантьем курьеры не получают. Вход к курьерам—без доклада.

Л.

Люди,—так называется эта буква по-славянски. Из людей составляет общество, общество разделяется на классы, классы начинают бороться: все это вместе называется историей. Но вмешиваться в историю нам не хочется: вот почему о людях мы не особенно распространяемся.

(Следующие буквы в сле). Л.Л.Л.

О ШКРАБАХ.

Сказочка.

Жили некогда два шкраба, оба сельские. Один был хитрый, а другой простак.

В Наркомпросе служить—известное дело, не в Наркомпроде.

Получили шкрабы совсем помаленьку: на хлеб чуть-чуть хватало, на харч не хватало, ну, а на обувь—одежу и нет ничего...

Не хватает!

Ну, без штанов тоже ходить не приходится... Не годится, как будто.

Только деньги падают, жалованье запаздывает, а цены растут да растут...

Никак штанов не сошьешь!..

Простак вел себя так: не доест, не дошьет, на штаны деньги копит...

Накопит, поедет в город—хватать-похватать,—а деньги уже под гору, мануфактура в гору—никак не укупишь.

Не даются в руки шкрабу штаны, да и только.

А раз в руки не даются, на ноги не нашьешь тоже.

Так бился-маялся шкраб-простак, совсем есть-пить перестал. Снова накопил денег на штаны и опять не купил...

Так без штанов и помер.

Ну, а другой был похитрее и повел себя этак: Несмотря ни на что, покупал себе материалу понемножку: то чертовой кожи четверть, то солдатского суконца вершок, то драпу полвершка, а раз даже швиоту дюйма купил...

Долго ли, коротко ли, закупил отрезков на полтора аршина и сшил себе заправские штаны совсем впопугу и стал в них щеголять.

Правда, штаны маленько пестрели, ребята за ним ватагой бегали, а взрослые закрыли школу за отсутствием в Наркомпросе средств...

Но все же хитрый шкраб умер в штанах и был похоронен, как и подобает человеку.

Милль-Польский.

„Шеф“.

Курсант-ловчила.

Рис. М. Черемных.

В дивизии — торжество. Пришла срочная телеграмма:

«Выехали делегацией подарками, встречайте, не унывайте — ваш шеф».

Торжество в дивизии. Чистятся ребята; казармы белятся, древко знамени заново выкрасили, острие кося жар-золотом горит. Оркестр ревмя ревет — упражняется, палки барабанные на гулкой шкуре от нетерпения дребезжат.

А на казарменном дворе — генеральная репетиция парада, даже «кантеров» из дейхгаузов выволокли — шеф на всех распространяется!

Встретили шефскую комиссию тушем. Начальник дивизии лез всем шапки блеснул:

— Для встречи справа слуша-ай!..

После команды «к ноге» говорил военкомдив.

Военкомдив предложил един-гласную резолюцию, начинавшуюся словами:

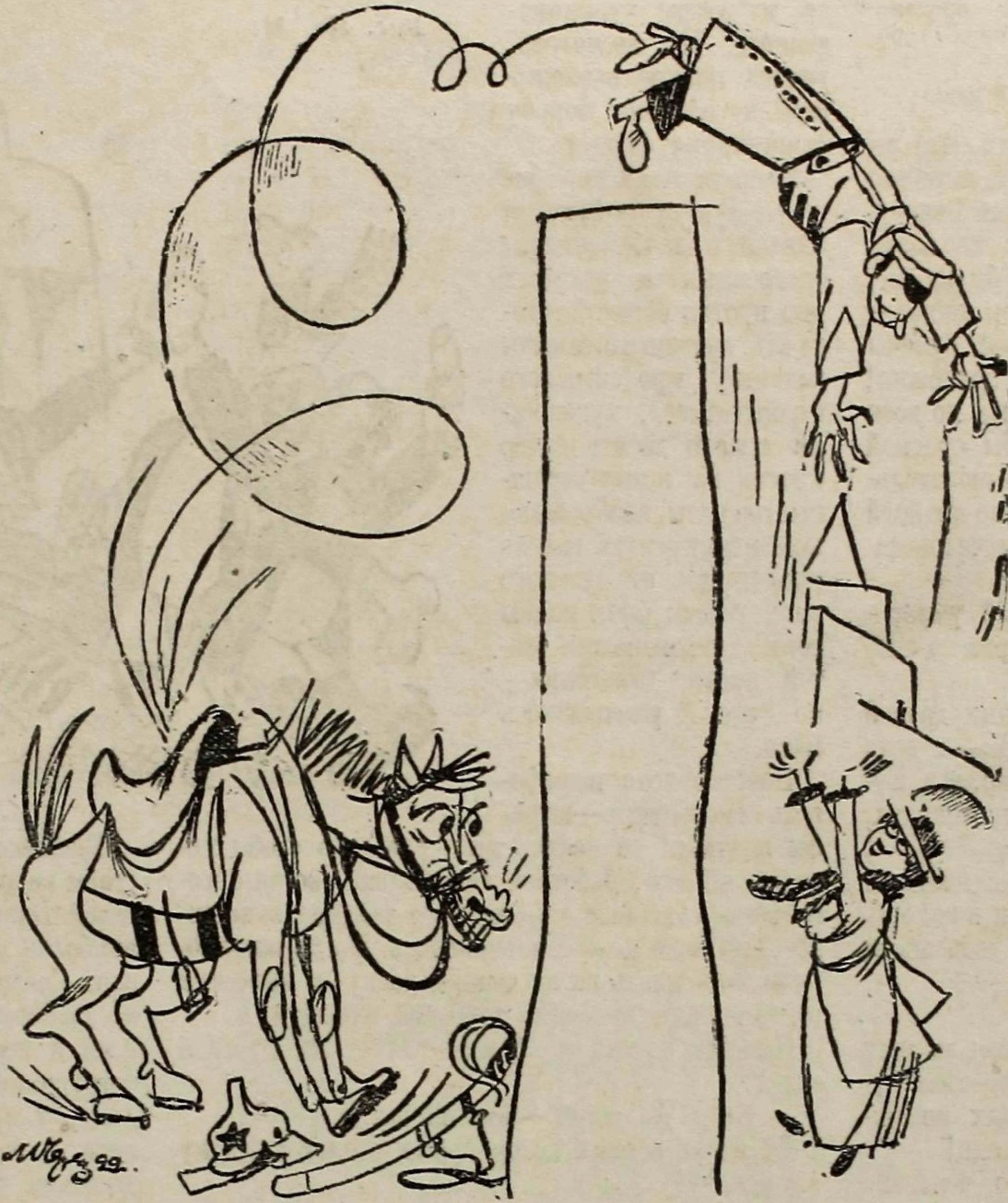
«Мы, собравшиеся на торжестве единения, громко заявляем Бонар-Лоуам, фашистам и грузинствующим меньшевикам, что с оружием в руках...»

Делегаты шефской комиссии отвечали на приветствие:

— Туш!.. — махнул палочкой дирижер.

Трубачи подтянули животы и надули щеки, победно звякнули тарелки, зарокотал Сарабан.

— К «цирмулярному» марш!..

У курсанта московского,
У курсанта кремлевского
Был характер прантический
И — весьма романтический.

Был с душою он гаденькой,
Бредил поленьем Наденькой,
Из кремлевского здания
К ней летел на свидание.

Гости стояли расслабленные от удовольствия и, нагибаясь к военкомдиву, спрашивали:

— Подарочки сейчас можно раздавать?

— Успеется! — с предвкушающей улыбкой отвечал военкомдив — пообедаете, отдохнете с дороги, в клубе «Парижской коммуны» наш дивизионный культурпросвет посмотрите, а уж завтра с утра и за подарочки примемся...

Утро. Волнуется дивизия.

— Подтянись, ребята, сейчас подарки будут!..

— Да мы уж и так подтянулись!..

— Еще подтянись! Подтянуться никогда не мешает!..

— Особливо при таком торжестве... На радостях...

— Сми-рно... Для встречи слева!..

— Вишь делегаты пришли: сейчас раздавать будут!

— Подтянись!

— Да где же подарки — то ихние?

— Подтянись, тебе говорят!..

— Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары. Как мы есть делегаты вашего шефа, уполномоченные для раздачи подарков, то вручаем вашей дивизии от шефа нашего коробку перьев, каковые, обмокнутые в чернила, с великой пользой могут быть использованы для борьбы с неграмотностью...

Велика ли была радость дивизии — всякий может себе представить.

Л. Митницкий.

„Зверские“ удовольствия.

В Павловске на маскараде было весело, но гадко. Среди глупых, шаблонных масок, мыкалась коза с голубым хвостом, ползала тучная инфузория: не то тюлень, не то черепаха баль-аковского возраста, топталась лошадь с завитой челкой и запахом давно мертвого человека.

(„Кр. Газета“).

Приятно побывать в зверской шкуре!..

БОРЬБА С САМОГОНОМ.

В целях борьбы с самогоном предлагается открыть продажу виноградных вин и пива хорошего качества.

«Экономич. Жизнь».

Самогонка в Кутешихе в полном ходу—что ни день, новые фабрики открываются! И пьянство пошло—старожилы не запомнят. Петька Свистунов спился, последнюю женину юбку на базар вынес, Фомку на улице нашли—ни бе ни ме, только что на кладбище тащить. Доктор нашел—отравление сулемой, видно самогонщик сулемы больше чем надо для крепости в самогон подложил!

Начальник милиции после этого случая по всем самогонщикам ходил уговаривать, чтобы сулемой не разбавляли и употребляли для вкуса нюхательный табак или сушеный куриный помет—по крайней мере и крепко и не до смерти зашибает человека.

Самогонщики соглашались:

— Оно нам, конечно, если который умрет—чистый убыток! Фомка покойник иной раз по полведра выпивал!

Сложился Фомке на венок от «верных друзей от всего расположения и сердечности»—а дела своего не оставили. Протоколы, конечно, и в Кутешихе составлялись, только что в протоколах, когда само начальство потачку дает!

Беспорядок пошел и по начальству: и милиция через два дня на третий пьяным пьяна и в волость без бутылки не приходи—ничего не добьешься; только приди что просить:

— А ваши доказательства?

Ну и тащи бутылку, а то и две, смотря по делу и важности... Одна подпись на бумаге—одна бутылка, две—две бутылки, а на которых поважнее бумагах до десяти подписей догоняли!

По улицам грабеж пошел—у одного человека на улице среди бела дня штаны сняли!

Обратило тогда на Кутешиху внимание и высшее начальство. Прислали из уезда уполномоченного. Тот посмогред, увидел полное разложение и объявил борьбу самогонному фронту.

Машинистки с ног сбились—бумагу за бумагой писали о необходимости экстренных и ударных мер против общественного зла, вредящего самознанию пролетарского строительства, художники извели десять ведер красок на самые страшные плакаты, изображающие неминуемую гибель пролетария от зеленого змия, газеты были полны самых угрожающих статей против самогонки—но зло уменьшалось мало.

Постановлено штрафовать самогонщик.—штрафы платили, но после этого, для того чтобы покрыть убытки, работали еще больше; когда самогонщика сажали в тюрьму—его заменял заместитель, но дело не останавливалось. Тогда постановили записывать их на черную доску—и вывесили огромнейшую на самой торговой площади.

Приедет мужик на базар—глядит на доску и видит:

— Иван Андронов—самогонщик.

Да после всяких делов прямо и идет к Ивану Андронову!

После этого и черные доски сняли.

Союз Нарпитания взял, наконец; под свою защиту домашнюю прислугу, которая не состояла ни в каком союзе.

ШТОФ БОГАТЫРЬ.

«В ... волости идет несусветное пьянство»...

(«Беднота»).

Рис. Ив. М.

Устроено было тогда особое совещание, с участием видных специалистов, а равно и представителей Винтрестов и Пивоваренных заводов—как наиболее хорошо изучивших данное общественное зло. Совещание выяснило полнейшую невозможность борьбы с самогоном мерами крайних репрессий и постановило, по предложению одного из сотрудников «Экономической Жизни»¹⁾ усилить выделку и продажу хороших сортов виноградного вина и пива и открыть в Кутешихе несколько десятков кабаков. По мнению совещания, подобная мера должна в корне уничтожить самогонщиков.

Но надежды не оправдались. Пиво почти не пили—непривычно, а виноградным вином сдобривали тот же самогон, для приятного вкуса и запаха. Приятный вкус и запах привлек к самогону большое количество потребителей и количество самогонных фабрик после этой меры возросло вдвое.

И тут такое пошло—и описать невозможно! Граждане десятками валялись на улицах и некому было их отводить в комиссариат так как и милиционеры не особенно хорошо держались на ногах.

И тогда посланная уже столичным центром в Кутешиху комиссия телеграфировала:

— Вино и пиво не помогают. Требуются более действительные средства!

Что после этого было в Кутешихе, история умалчивает.

Ист. Ив. Кредит.

Рис. Ив. Малюткина.

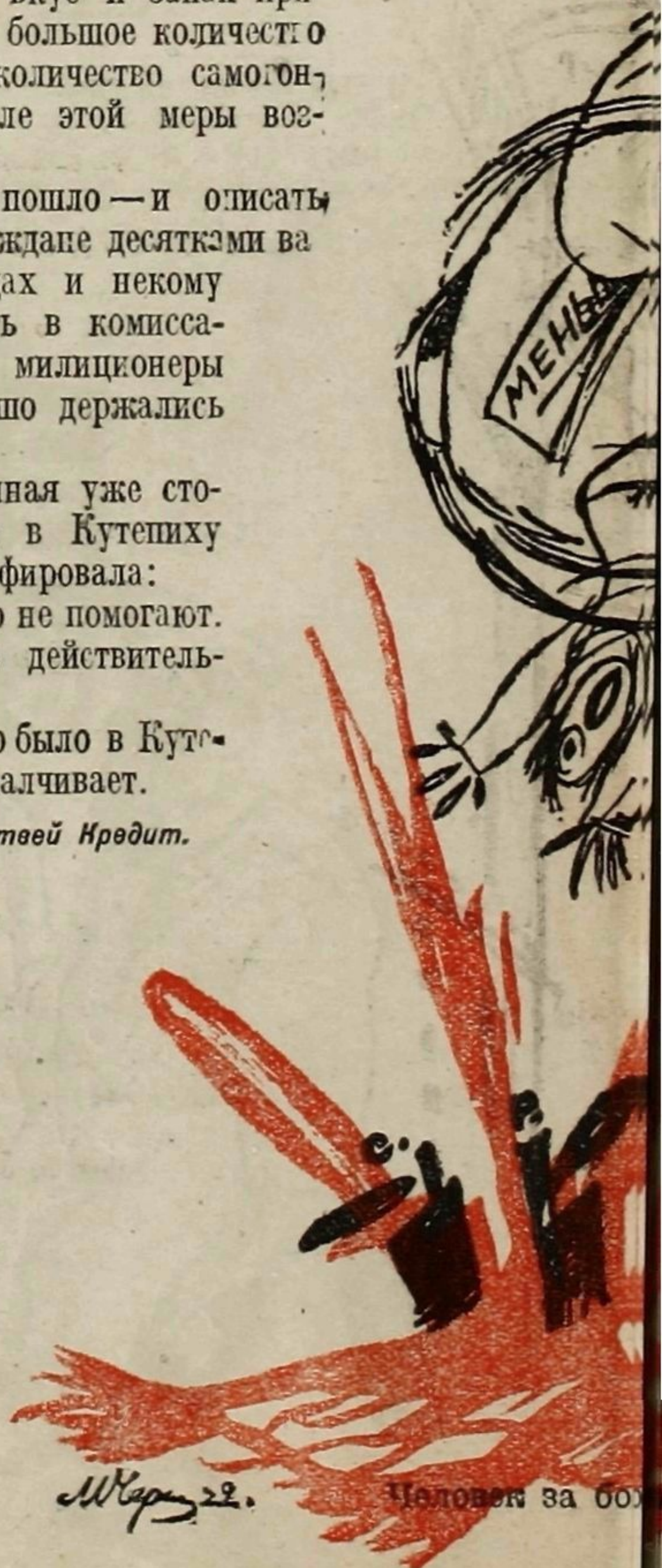
(«Груд»).

Крокодил: — Наконец-то сосватал. Прошу любить и жаловать!

В Москве одного мена

Рис. М. Черемин

РАЗГОВОР В ТРАМВАЕ.

(Картинка с натуры).

Вагон 638 поднимается в гору. На площадке — рабочие и среди них старик с поряdochным брюшком. Церковь Покрова в Кудрине.

Старик срывает шапку и пытается встать на колени.

— Ну, ты! Здесь тебе не церковь! Ишь как размолился! — замечают рабочие.

Помолвившись, старик повернулся лицом к рабочим:

— Ну и времечко! Богу молиться не дают!

— Чего ему молиться — он и так нас боится! В Охотном часовню разобрали — и ничего — ни у одного рабочего рука не отсохла — а зато свободнее для трамвая стало!

— Не простится вам... Будете на страшном суде в пекле печься!

— До смерти ничего не будет! Вот бы еще Покров убрать — не на месте стоит — жди тут когда встречный трамвай пройдет — а все из за Покрова!

Вагон встал. Старик с брюшком вылезает из вагона. Зло бурчит.

— Ишь, изверги — до бога добрались, чтобы вас громом побил!

— Не побьет — мы сами его за бороду стащим! — отвечают рабочие.

Вагон тронулся. Старик, глядя вслед вагону, ворчит:

— Ну и умники!.. безбожники!

И крестит рот. Рабочие остаются на трамвае.

— Тоже угодник божий! Ишь какое брюшко намолит! — Чудотворец!..

М. Н.

„КРАСНЫЙ ДИРЕКТОР“.

Весело на заводе, пьяно. Сам директор во главе «предприятия»; на- супротив его отец духовный, паству очищающий, он же спец по «очищенной». По бокам евойным завком комом валится. Бокалы пенятся. Тост. Слово заму директору.

— товарищи!..

— Чего товарищи! — морщится отец духовный.

— Ну... господа граждане!..

— Подходяще! — мотает поп гривую.

— Господа граждане... позвольте слово сказать!

— Валий говори!

— Граждане... промышленность наша опущена и запущена... поднять ее надо... Понятно вам это?

— Понятно, валий дальше!..

— Да дудки, сразу не поднимешь, посему поднимаю сие питье за поднятие нашей промышленности!..

— Правильно!..

— И чтоб значит наше предприятие закрепилось без «крепкой» никак не обойтись!

— Чего уж крепче... девяностоградусная...

... «Сообщаю вам в вашу редакцию, что на заводе у нас сплошное безобразие. Директор наш не только не ставит завод на ноги, но и сам на ногах еле держится — пьет страсть как. И завком тоже пьет. Оно, конечно, — спирт шутка очистительная: намеднись на пьянку кассу так очистили, что рабочим платить нечем.

Доложили об этом директору, а он на них же и напустился.

Рис. Д. Мельникова.

Чудовищная пушка бессильна против турецкого комара. Комар сильнее!

— Эх вы, промышленники... чорта вам в деньгах этих самых... Мало добра у нас на заводе что ли?.. Вали, режь ремни на подметки!.. За границей новые и сделают...

Раскраснелся директор «красный», суетится завком.

— В газете пропечатали! Про дела заводские все до точки вывели, жаль под корреспонденцией подписи нету. Ну, да известно чьих рук это дело. Не иначе — Терентьев. В самом деле — пить он не пьет, принадлежностями заводскими не пользуется... Он — он самый!!

— Позвать Терентьева!..

Мигом доставили корреспондента Терентьева.

— Сознавайся, все равно не поможет: ты в газету писал?

— Я!

— Сознаешься дьявол?

— Не сознаюсь, а заявляю!

— Так-с... приступим... Навались, ребята... покажем ему и ремни и пьянку... Не жалей каблука... Бей с размаху, каблуки заводские...

Та-ак, так... за редакцию, за безобразие, за очистительную!..

— Дышет?

— Чуть чуть... самую малость...

— Еще на дай!.. за завод винокуренный, за металлургию, за донос без ведома начальства, за...

— Товарищ директор, к вам из милиции пришли!

— А... а... Наконец-то... давно пора... Здравствуйте... Наконец-то вы к нам заявились... Тут такие, знаете ли, дела у нас... донос... подрыв промышленности...

— Да уж мы слышаны!

— То-то... Сейчас преступника арестовать желаете?..

— Сей минуту! Безо всяких отлагательств... Пожалуйста!..

— Кто-о?!

— Вы сами-с...

— Глянь, директора-то повели!..

— Спугался, видишь, побелел аж...

— А с чего-ж ему белеть? — Никогда он красным и не был...

Л. Митницкий

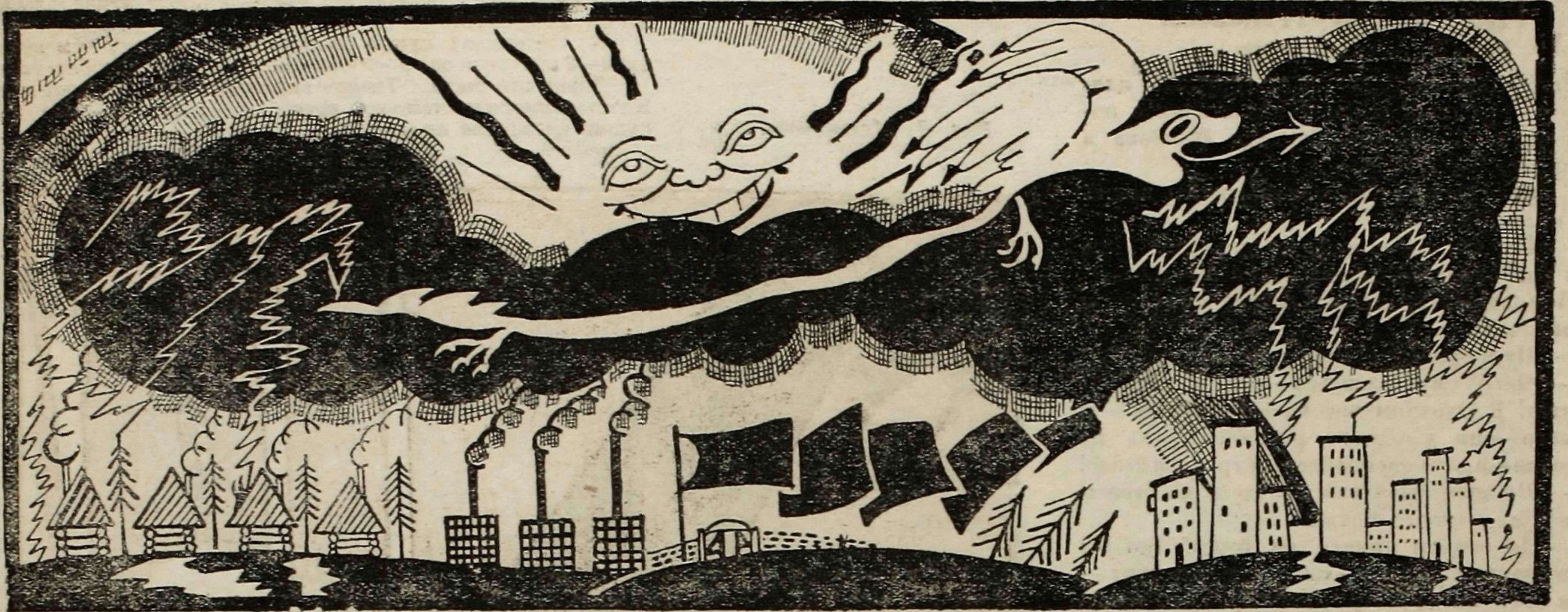

Рис. Д. Моора.

Как мужик у всех в долгу остался и как потом со всеми расквитался.

Сказка Вас. Лебедева.

Часть вторая.

Над полями, деревнями,
Над большими городами
Буря звонкая прошла,
Тучей солнце протерла.
Громы грозные гудели,
Ярко молнии блестели,
У завода, в воротах
В буре бился алый флаг.
Буря флаг по ветру била,
Сказки флагу говорила.
Среди сказок тех была
Про Ивановы дела.
Флаг с шеста потом сорвался
Прямо в руки мне попался
И за ласку-доброту,
Рассказал мне сказку ту.
Эту сказку прямо с флагу
Записал я на бумагу
И со всеми я, как брат,
Поделиться ею рад.

С той поры, как Черт впервые
Оседлал мужичью выю,
Океан воды угек,
Шли столетья, как денек,
Солнце бездны раз всходило,
Над землей светло светило,
Посылало тьму лучей
На Ивановых детей.
А потомство у Ивана,
Точно пыль от урагана,
Раскидалось над землей
Миллионною семьей,
Все Иванами зовутся,
От гвоздей в висках трясутся:
Чуть родился—уж с гвоздем
И в гробу—опять п. и нем,

И чертячье семя тоже
Не спеша потомство множит—
Бар, Попов и Кулаков
Не оглянешь без очков.
Все на прадедов похожи,
Точка в точку, рожа в рожу,
Все с чертякою в ладу
На Иванову беду.
Им в деревне жить не место,
Из другого вышли теста,
Из мужичьего труда
Стали строить города.
В городах дворцы, палаты,
Всюду серебро и золото.
Поп и Барин, и Кулак
По дворцу имеет всяк.
Для мужичьего-ж народа
Понастроили заводы,
Чтоб Мужик и в городах.
Был всегда у всех в долгах.
Мужиков не все руками,
Заставляли и мозгами
Век без отдыха корпеть,
Чтобы бар обувь—одеть.
А чтоб легче всех Иванов
Обратить в своих баранов,
Черт слетал опять к Яге
На заветной кочерге.
Десять лет с Ягой крутился,
Своего таки добился:
Для своих троих поред
От Яги яйцо несет.
Кулаки, Попы и Баре
Было вытянули хари,
Да Чертыка про яйцо
Им сказал свое слово:
„Корчить рожу моду б а в те,

От моей чертячьей кости
Зародилась ваша рать,
Ну, и значить нос не драть
Вы яйцо мое возьмите
И вместе на нем сидите.
Из яйца родится царь,
Император-государь.
Вы втолкуйте всем Иванам:
Власть, мол, царская дана нам
Прямо вроде как с небес
(Чтоб Иван в петлю залез).
Царь породы будет вашей,
Есть Иванов будет с кашей,
Кровью будет приправлять.
Ваше племя защищать.
Вы-ж его оберегайте
И в обиду не давайте,
Хоть и будет он дурак,
Пусть его прославит всяк.
Барин пусть строчит указы,
Кулаки же из лабазов
Пусть жратва ему пришлют,
Хлеб и соль пусть поднесут.
Вы, Попы, хлебнувши водки,
Что есть сил дерите глотки
И, подняв глаза горе,
Век срите о царе.
А пока без разговора,
Без попреков и раздора,
На яйцо садитесь здесь,
Я-ж добуду, что поест.
Чтоб сидеть вам без устатку,
Соблюдайте вы порядки:
Каждый пусть блюдет черед,
Кто потом и кто вперед.
Всяк с опаской пусть садится,
Чтоб царю скорей родиться

И соложкой, и сенцом
Обложите вы яйцо.“
Так сказавши, Черт простился,
За едой друзьям пустился,
А три чертовы птенца
Закружились у яйца.
Принесли соломы, сена,
И решили непременно
Ставить на ночь караул,
Чтоб Иван не заглянул..
Закусили, походили,
Посудили, порядили,
Как высиживать царя,
Проболтались сутки зря.
И по жребью напоследки
Первым Поп попал в наседки,
Сел, акафист затянул,
И скорехонько заснул.
День прошел, луна катится,
На яйцо Кулак садится.
Поп измученный встает,
Молча зад усталый трет..
Так пять лет и три недели
На яйцо они сидели.
Каждый день по мере сил
Черт им пищу приносил.
Поп натер себе мозоли,
Барин корчился от боли,
А Кулак бледнел в лице,
Чуть кто скажет об яйце.
Наконец, однажды ночью
Изо все поповской мочи
Крикнул поп:—Родился царь!
И, как сноп, упал с яйца.

(Продолжение следует).

Провинция веселится.

Две афиши: одна из Архангельска, другая из Владикавказа. Но, кажется, что их составлял один и тот же человек. Да оно так и есть на самом деле: обе афиши составлял распоясавшийся, разухабистый НЭП.

Стояло бы привести обе афиши целиком. Но «Крокодил» любит экономить место и поэтому приведем выдержки.

Из Архангельской афиши:

Шпагоглататели, кармановыниматели и все, на что способны и никогда не были способны работники искусств.

АНТОША ПЕНЯЕВ будет ходить по потолку и угадывать желание каждого из публики.

16 БОСЯКОВ исполнят с тарарамом и оркестром босяцкий танец.

Босяк Райский исполнит ЛОМОНОГ на злобудня!

Соло на барабане и трамбоне одновременно исполнит НЕКТО В ПЕНСНЭ.

ШОЛЬЦ и АДЛЬСКИЙ БУДУТ КУКАРЕКУКАТЬСЯ И ТАНГОВАТЬСЯ.

1-й ДЕНЬ ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ.

Прибывший из Владивостока багажом непобедимый борец Сапура-Сапура Кики вызывает любого из публики на борьбу.

Пока записалась СОНЯ СВЕТЛОВА.
Кто следующий?

Дьявольская симфония в течение одной минуты. Больше публика не выдержит!

ПУБЛИКУ СО СМЕХУ ПРОСЯТ СО СТУЛЬЕВ НЕ ПАДАТЬ!

Вина, ужины, уют, теплые печи, холодн. морженое, жесткие и мягкие диваны... Да это не все! Сюрпризы вперед!!!

Кабарэ, Бал и ВСЯ ПРОЧАЯ ЕРУНДА будет продолжаться до 7 час утра.

В виде дополнения нужно сказать, что вся эта «прочая ерунда» происходила в Городском театре г. Архангельска в день Работников искусств—13 ноября. Афиша—в три аршина, и мы приехали из нее далеко не все.

Теперь посмотрим афишу «Бала-Маскарада-Кабарэ», устроенного во Владикавказе 11 ноября в пользу детских домов:

Здание б. КЛАССИЧЕСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ.

Бал-Маскарад-Кабарэ

Из Цикла «ВЕСЕЛИТЬСЯ ДО УПАДУ».

Иванидзе—Скрипка рыдала, гости плакали.

Али Гримм—Пенья, страстные романсы, то бишь «цыганщина».

Танцы до утра

ГОСТИННЫЕ «РОЗОВАЯ» и «ГОЛУБАЯ», ГДЕ, ТИХО И ГЛАВНО ЗАСЫПАЯ, ГОСТИ НОЧУЮТ ДО УТРА.

Распорядитель танцев Володя Квартиров.

Распорядитель: В. БУРДА и АДЯ ДУБИНИН.

Так под предводительством Бурды веселятся Владикавказцы «до упаду»...—в пользу детских домов.

Трудно сказать, чья культура лучше: Архангельская или Владикавказская. Пожалуй, все-таки, архангельцы Владикавказу «восутрут». А в общем—оба города лучше.

Москва! те я уже заткнули за пояс!

В. Нумач.

СВЕТОЧ НАУКИ.

«В правлении Академии Наук (Унив. наб., 5) висят «образы» с лампадочками». («Кр. Газета»).

Рис. Д. Моора.

Председатель комиссии.

1.

В приемной заведующего жилищным кризисом Перепенкина огромная толпа.

— Товарищ—мне комнату!

— И мне!... Я в коридоре сплю...

— Тогда мне надо раньше—я в клозете...

— Мне—я на крыше!...

— Тише! Тише! Каждому в свой черед...

Бы как?

Всех опросил товарищ Перепенкин и всем действительно нужно.

2.

Товарищ Перепенкин был человеком исключительной душевной доброты.

— Надо бы всех удовлетворить,— подумал он.

Срочно вызывает инспекторов.

— Экстренное задание! Немедленно каждый приносит по одной комнате, скрытой от учета!

— Но позвольте... заметил один.

— Не позволю! Ничего не позволю.

— Виноват—заикнулся третий.

— А если виноват—под суд! В двадцать четыре...

Инспектора удалились.

Товарищ Перепенкин еле дошел до дома и свалился в постель.

Когда проснулся—настроение у него было великолепное.

— Да что это я волнуюсь! Завтра всех удовлетворю!

3.

Инспектор Семушкин ходил-ходил—ничего!

— Где я ему раскопаю! Здесь—уже сдали, тут—отверглись, а там—... Ну да туда нельзя! Да, нельзя!

Видит дом—огромный! Шасть к председателю домкома:

— Вынь да положь! У вас процент не додан!

Председатель пошел разыскивать. Сначала пошел к непману Синдикату Промсбытовичу.

— У вас свыше нормы...

— Вам мандат? Пожалуйста!

Вынул пачку розовых мандатов:

— Получайте!

— Благодарствуйте, ответил председатель и пошел дальше—к другому непману. Там тоже мандат предъявили. Всех обомел.

А инспектор требует:

— Немедленно!

— А вот тут один живет... У него на три аршина свыше нормы... Заливайкин.

4.

Инспектор Федюшкин ходил-ходил—ничего. Видит дом огромный:

— Вот где комнаты!

Председатель сразу ответил:

— Есть! Квартира Заливайкина!

Инспектор Ванюшкин ходил-ходил...

В десять часов товарищ Перепенкин грозно спросил инспекторов:

— Разыскали?

— Разыскали!

— Выдавать всем.

К 4 часам дня все посетители ушли от товарища Перепенкина с ордерами.

5.

В одиннадцать часов актера Заливайкина разбудили:

— Кто там?

— К вам. Ордер на вашу комнату!...

— Что такое?

— На комнату... Очередь...

— Да ведь у меня всего одна комната—и та моя!

— У меня ордер...

— И у меня...

— А я—вижу все сюда идут—и тоже...

— Я комнат не даю... Вот видите мандат!

— А как же—ордер?...

— Идите к товарищу Перепенкину!

Через десять минут Заливайкин был у Перепенкина. Огромная очередь. Он встал в очередь.

— Как же так? У меня...

— Сегодня всех удовлетворяем! Что там?

И подписал:

— Товарища Заливайкина не уплотнять!

6.

Товарищ Перепенкин спал. Огромная толпа подошла к дверям его квартиры...

— К тебе... С ордерами...

— Да я же не могу! Я вам дал! Что вы ко мне!...

— Да вы...

— Да вы мне...

— Ордера-то всем...

— И все на одну комнату...

Что было дальше история умалчивает.

Баберя.

№ 15 Демонстрация мощей.

Многолюдное собрание. На трибуне ксендзо-подобный профессор.

— Уважаемое собрание,—говорит профессор, галантно прижимая руку к сердцу,—что может быть милее и обаятельнее женщины? Вспомните у Толстого в «Воскресении» жену шефа жандармов, глаза которой сказали Неклюдову о том, что она умеет лкбить? Наша культура, уважаемое собрание, это участие милых женщин. А Англия, где есть такие изумительные суфражистки!..

— О, женщина!—подхватывает какой-то поп, сменяя профессора—Ты—маленькое солнышко, согревающее и укрепляющее мужскую часть общества! При коммунизме так холодно! А в тебе столько тепла и уюта!

— Женщина должна быть женственной,—прерывает попа доктор в военном мундире,—и я предостерегаю женщин от бесплодия. Помните слова генерала, сказавшего: «отечество в опасности! Женщины, спасайте его! Не забывайте о сущности материнства!» Что же касается политики, то, благодарение богу, революция отняла у меня политические права.

— Рабочие пчелы бесплодны,—поддерживает доктора биолог.—Женщины, берегитесь уподобиться пчелам. Не увлекайтесь работой!

— Мы—буржуазные дамы и интеллигентки,—декламирует дама профессорша, — должны проявить себя на всех поприщах науки и общественной жизни. Иначе мы, увы! заслужим названия «советских барышень».

Какой-то, вероятно заедаемый блохами, журналист, сопровождавший каждое слово почесыванием всех частей тела, заявляет, что ему известен отдел работниц—«Центробаба».

Речь журналиста тонет в раскатах смеха.

Затем на трибуну под руки бережно поднимает всеровскую развалину мужского пола.

— В России,—шамкает развалина,—женщине права дал не Октябрь, а февральская революция... — Скажите,—прервет меня читатель,—на кой черт вы мне все это рассказываете? Мне совсем не интересно знать idiotские суждения эмигрантствующих профессоров, попов и докторов о женственной женщине. Пускай они болтают об этом в Берлине.

— В том то и дело, читатель, что я рассказываю о собрании происходившем не в Берлине, а в Москве, привожу изречения не эмигрантов, а петроградских профессоров-гастролеров: Сперанского,

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

(Иностранный юмор).

Рис. К. Арнольда из «симплициссимус» (Мюнхен).

— Пожертвуйте в пользу голодающих русских.
— Мы сами русские...

Колосова, Даниловой, животрушного эсера Кулябко-Корецкого и др.

И было сие собрание 3 декабря в Политехническом музее, и называлось оно «диспут о новой женщине», а устроили его студенты-медики.

И еще находятся злые языки, утверждающие, что в Советской России интеллигенция не пользуется свободой слова! Очень большой свободой пользуется, даже черезчур.

И удивительно то, что когда эти профессорствующие и эсерствующие мощи демонстрировали свои изъеденные молью мнения о «новой женщине», никому из 3000 аудитории молодежи не пришло в голову ткнуть ораторов чемнибудь острым—увидели бы, как из них посыпалась труха!

НА ВЫСТАВКЕ „НОЖ“.

Рис. Д. Мельникова.

Крокодил: — Я думал, что этот «Нож» направлен в спину революции. Оказывается, ничего подобного, хороший острый нож в моем духе.

Группа женщин-работниц, попавшая случайно на диспут и ошарашенная всем виденным и слышанным, обратилась в МК РКП с просьбой взять под свой контроль влияние диспуты, проводимые в Политехническом Музее.

Дорогие товарищи-работницы! Не по адресу обратились. Нужно просить не МК., а Внешторг:

Пусть он поскорее отправит эти «музейные редкости» за границу, в обмен на чтонибудь полезное для советской республики!

Который был.

Лозаннские игроки.

Рис. М. Чемных.

Чичерин: — Когда они передерутся — у нас в руках будет лишний козырь!

Следующий
новогодний номер

КРОКОДИЛА

выйдет
1 января 1923 года.

ОБ ИМЕНИНАХ.

Т. Крокодил!

У нас, в провинции, а может-быть, и у вас, в верхах, большинство коммунистов празднует «именины». Что это такое? Лично—мой день, право гражданства он, пожалуй, может иметь, но празднуется он по святам в память бесчисленных князей, царей и архиереев.

У нас в революционной истории есть много имен достойных почитания и почему бы Верам не праздновать свой день не 30-го сентября, в честь каких-то гречанок, а в день смерти Веры Засулич? А смерть декабристов, Парижская коммуна? Почему бы не быть именинником 1 мая, 7 ноября, когда мы, коммунисты, итак именинники? Нужно выветривать остатки предрассудков, переменить святцы, как мы переменяли календарь. Это с виду маленькое до смешного дело может сыграть свою роль в выветривании старого быта из нашей жизни.

В нашей газете меня лишь осмеяли. Не займется ли Крокодил нашими «вятцами»? К новому году как раз тема.

Всева.

Сочувствую. И какнибудь поговорю об этом сам.

«Крокодил».

ЕЩЕ ПОДАРОК.

Тов. «Крокодил!»

Читая ежедневно твоего детеныша, именуемого «Крокодилом», я, судя по твоим ответам в почтовом ящике разным корреспондентам всей Р. С. Ф. С. Р., пришел к выводу, что ты должен ощущать большой недостаток в корзинах, куда ты направляешь много материала. По сему боюсь, чтобы ты не был в опасности перегрузиться разной корреспонденцией в виду отсутствия для нее соответствующей тары—корзин, я решил притти к тебе на помощь в деле снабжения тебя корзинами.

При складе № 2 Гомельского З. К. во дворе лежат по моему подсчету до 2.000 корзин (имущество Губпродкома), которые служат топливом для всех квартирантов двора, вероятно, с согласия Губпродкома, который на это никакого внимания не обращает.

По моему мнению, лучше бы, если бы эти корзины пошли бы тебе на пользу. Для подтверждения моих слов, если ты мне не веришь, прилетай в Гомель и убеждайся в этом.

В общем в Гомеле для тебя имеется много интересного материала, напрасно не приезжайешь.

Вассин (Гомель, Губотд. Пищевиков).

Спасибо за корзины! Подарок такой, что лучше не придумаешь. Впрочем, если вы придумаете еще что-нибудь лучше, — присылайте!

«Крокодил».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

МОСКВА.

Л. Валентинову. Острота ваша старая-престарая. Крокодил слышал в Египте ее еще за 3.000 лет до нашей эры.

Т. Александрову. «Думаю, что на этот раз корзина будет отсутствовать», — пишет т. Александров.

Как раз когда мы получили ваше письмо — корзина работала сверхурочно.

Т. Рябову. Напрасно вы думаете, что, написав коротенькое письмо с 47 ошибками, вы подделались под рабочего. Все равно не пойдет. Стыдно!

Н. Печуге. Жалко вас огорчать — опять не пойдет! Авось в другой раз пощастливится.

Т. Иноземцеву. Прочитав ваши частушки «Даешь!» Крокодил отвечает: — Не берешь!

ПРОВИНЦИЯ.

Рыбинск—А. Нестеренко. Используем в ближайшем номере. Спасибо за материал. Ждем еще.

Аша, Челябинск. губ.—т. Михайлову. Т. Михайлов пишет:

Ведь в Париже все разврат, Моды или пьянство.

Неужели же в Москве, Столько же буянства?

Парижское буянство я не подсчитывал. Но в Москве тоже буянства много.

Обоянь—т. П. Афанасьеву. Напишите несколько проще—ведь у «Крокодила» больше сотни тысяч читателей-рабочих.

В. С. С. Р. г. Удза—т. Халидову. Крокодил на всех языках говорит. Пишите, как сможете. Будем рады. Насчет подписки сообщим.

Рязань—т. П. Окстон. «Кстати сообщаю,—пишет т. Окстон,—что я не сменевеховец и из России не уезжал».

Этого довольно, чтобы попасть в «Крокодил»; но все-таки мало, чтобы писать в «Крокодиле».

Молодому Инвалиду. «Крокодил» о ваших рисунках дает отзыв благоприятный. Но вам нужно много учиться. Если хотите быть художником, не спрашивайте, есть ли у вас талант, а работайте.

Иркутск—Вик. Торину. Рассказ длинноват, но есть хорошие места. Пишите короче. Присылайте местный материал.

Гомель—М. Пикусу. Рисунок мог бы пойти если бы 1) он не был таким старым по теме и 2) не был бы так плохо нарисован.

Донбасс, Криндачевск. район—т. Мазор. Спасибо за материал. Ждем еще.

С. Горки, Из.-Вознесенск. губ.—т. Федорову. Нельзя же писать так длинно: пока прочтешь ваши стихи о школе,—можно новую школу построить. Факты используем. Пишите короче.

Ташкент—т. Муратову. Присылайте еще.

„О чем они говорят?“

(Анкета „Крокодила“ № 10 от 29/X).

Анкета нашла живой отклик среди подписчиков, розничных покупателей и бесплатных читателей «Крокодила».

Получены ответы со всех концов Республики: из Архангельска и Севастополя, из Украины, Грузии.

Пишут: рабочие, красноармейцы, комсомольцы, члены РКП и лица неопределенные.

Почти все ставят сперва вводный вопрос: «Кто говорит?», и отвечают: — жулики, бродяги, фальшивомонетки, безработные и, напоследок, рабочие.

Соответственно установленному званию беседующих—ответы на второй вопрос:

о чем они говорят?

Конечно, о кражах:

«Вытащили сейчас бумажник, а в нем только 10 лимонов».

«Не мешало бы съездить с тов. Малышевым на Лионскую ярмарку, облегчить французские карманы».

«Где бы руки погреть».

«Нельзя ли пожертвовать некоторые ценности одного из московских ювелиров в пользу двух «голодающих»».

затем идут благочестивые суждения о храмах и понах:

«Не зайти ли в церковь, поискать там ценностей? Черта с два там найдешь. Мы хорошие жулики, а попы почище нас».

«Почему столько хором, называемых синагогами, церквями, кирками, стоят пустые, когда мы должны жить где-то в саду, под лавкой».

«При существующем нэпе

Трудно живется беднякам,

Зато хорошо гэмманам

И черным жандармам попам».

«А попов не задела революция—продолжают морочить народ».

«Как бы пристроиться к «живой церкви», помочь преосвященнейшему Антонину в его делах святых, получить в епархии уезд с большим количеством церквей и пасомых овец божьих, чтобы поскорее поярк собрать».

О квартирном вопросе:

«Выселить всех попов и монахов из близ лежащего монастыря, а квартиры их предоставить рабочим».

«О казенной бесплатной квартире на зимний сезон».

«Говорим мы все о том».

В последнюю минуту получен следующий ответ, автору которого присуждена премия (бесплатная высылка «Крокодила» на 3 месяца). «Они говорят о том громадном количестве глупостей, котовые будут присланы в редакцию в ответ на анкету».

Фамилия автора будет опубликована в следующем N-ре.

Денег не хватает.

В тесных комнатах живем,

А здоровье теат».

«Нельзя ли устроиться на зиму на полный пансион через Жилугрозыск?»

О нэпманах:

«Нэпман кутит в кафе-ресторанах, ему тепло, сытно и нос в табаке. Швыряя свои лимонарды, не думает ничуть о бедняке».

«Нэпман сел на спину нам,

Знай все прижимает

Не работает уж сам,

Миллиардики считает».

«Нэпманы надоели, мало они проказ творят». О вышивке:

«Эх, выпить бы с горя».

«Хорошо бы выпить. Не зайти ли к попу за самогонкой? Денег нет,

а поп в долг не даст».

«Где бы достать на самогон?».

Тов. П. Иванов «осмеливается выразить свое мнение» об «анкетном рисунке, где были изображены два разговаривающих «пролетариата»:

«По восторженному (!) выражению лица одного из них, я заключаю, что он разводит планы о том, чтобы они сделали, когда выиграли бы тридцать миллиардов».

Продавец газет Лева Валентинов, смотрящий на мир с точки зрения своей профессии, полагает, что они говорят о том:

«Сколько возьмут номеров юбилейного «Крокодила» для продажи».

Как видите, они говорят на житейские, хозяйственные темы. И только одна скрывшаяся под псевдонимом «большевичка» читательница увидела в жуликах вождя фашистов-Муссолини и итальянского короля, беседующих о покорении всего мира.

С большим сожалением «Крокодил» вынужден заявить, что ни один из присланных ответов его не удовлетворил.

Был еще и такой ответ:

„Эти два демократа говорят: — хороша в советской России свобода, когда нас—меньшевинов и эсеров оставили за бортом при выборах в Совет! Эта свобода только для рабочих и мужиков, а не для развитых людей, которые плачут и страждут о том, что грубый народ не дает просвещенным помещикам и капиталистам устроить все как им лучше“.

Правда, был один хороший ответ: — мы должны подписаться на миллионный номер «Рабочей Газеты», но...

5000 пудов КОТЕЛЬНОГО ЖЕЛЕЗА

и около 5000 арш.

5-дюймового

ПЕНЬКОВОГО ПАССА

== ПРЕДЛАГАЕТ: ==

СТЕКЛОФАРФОРТРЕСТ

со своих складов.

ПОКУПАЕТ:

ЖИДКОЕ ЗОЛОТО (глянец—гольд).

Адрес: Мясницкая ул., д. 8/2.

Обращаться в Отдел Снабжения.

ВИНСИДИКЯТ

для удобства потребителей

открывает

на Кузнецком Мосту, № 5/15

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН № 2,

который

К предстоящим праздникам

будет снабжен

РАЗНЫМИ НАТУРАЛЬНЫМИ

сухими == **ВИНАМИ** == специальными
крепкими == **ВИНАМИ** == марок,

а также

шампанским марки Абрау-Дюрсо

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

НА

„РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“ и „КРОКОДИЛ“.

Без „Кроко-
дила“ С „Кроко-
дилом“
Руб.

Январь	600	1000
Январь-февраль	1000	2000
Январь-февраль-март	1800	3000

Учреждениям, организациям и частным лицам, которые внесут в декабре месяце подписную плату полностью за 2 и 3 месяца, подписная плата **ПОВЫШЕНА НЕ БУДЕТ.**

Подписка принимается исключительно Главной Конторой газеты, куда и должны быть направлены адреса и деньги.

Скидка контрагентам с подписной цены 5%.

Розничная цена на январь:

„Рабочая Газета“	40 руб.
„Крокодил“	200 „

Скидка контрагентам с розничной цены 25%

Н. К. П

ГОСПРОССНАБ

ОБЪЕДИНЕНИЕ

ГРАММОФОННО-ПЛАСТИНОЧНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„ГРАММОПЛАСТИНКА“

ПРОДАЕТ:

ГРАММОФОНЫ со всеми принадлежностями и ПЛАСТИНКИ.

ПОКУПАЕТ:

ШЕЛЛАК, ШПАТ, КНОП, 20 м/м ПРУЖИНЫ и ГРАММОФ. ИГОЛКИ.

СКУПАЕТ: неисправные граммофоны и битые пластинки.

ПРЕДЛАГАЕТ: представительства на Петроград, Одессу, Киев, Харьков, Ростов н/Д., Архангельск и Екатеринбург.

ПРАВЛЕНИЕ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

МОСКВА, Тверской бул., дом 26. Телефоны 1-98-10 и 28-97.

КРОКОДИЛ

БЮДЖЕТ МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО.

Расходы рабочего распределяются следующим образом: 1) пищевая часть—45,6%, всех расходов, 2) вещевая часть—23,8%, 3) коммунальная часть—24,5%, 4) гигиена—4,5%, 5) культурная часть—2,1%. («Труд»).

ТЕАТР

КАССА

1. Позабыв шнурки и пассы,
Он попасть хотел в Большой,
Подошел к окошку кассы,—
И отпрянул сам не свой.

КНИЖНАЯ

ЛАВКА

2. Получив в театре фигу,
Путь он правильный нашел:
Он купить задумал книгу,
Но—обжегся и ушел.

ЛЕКЦИЯ

3. Хоть и жгла его досада,
Слушать он пошел доклад,
Но остался без доклада:
Был доклад... дороговат!

КРОКОДИЛ

4. Целый день потратив сдуру,
В результате он твердил:
— Всех процентов на культуру
Хватит лишь—на „Крокодил“!..

Рис. М. Черемных.